

АЛЕКСАНДР ЗВЯГИНЦЕВ

НЕУЛОВИМАЯ

РАССКАЗ

Примчался неугомонный Серёжа Прядко и потащил на место происшествия. Взрыв в охраняемом гаражном комплексе, есть жертвы, азартно объяснил он по дороге. Руководство взволновано — вдруг терроризм? Тогда весь город будет *стоять на ушах*.

Ехать было недалеко.

У гаражей уже работали криминалисты и врачи “скорой”. На земле в луже крови лежал человек с чёрным обугленным лицом. У него были по локоть оторваны обе руки. Невозможно было понять, жив он или мёртв.

— Живой, но... Шансов почти нет, — покачал головой врач.

— Что-то взорвалось у него прямо в руках, — доложил эксперт. — Взрыв был граммов так на сто в тротиловом эквиваленте. Как он ещё жив остался, не понимаю! Башку должно было снести напрочь. Повезло...

Ледников ещё раз взглянул на обугленный обрубок — если *это* считать везением...

Прядко, известный скорохват, уже выяснил, что потерпевший — владелец одного из гаражей Кирилл Селивёрстов. Причём в свой гараж он, судя по всему, даже не вошёл — дверь была заперта. Это подтвердил и один из охранников, видевший, как Селивёрстов, не открывая дверь, зашёл за угол гаража, а через минуту грохнул взрыв.

— С собой он, что ли, эту бандуру принёс? — хмыкнул Прядко.

ЗВЯГИНЦЕВ Александр Григорьевич родился в 1948 году. Мастер остросюжетной прозы, известный также как служитель Фемиды и историк. Его романы, в частности о легендарном майоре Сармате, давно завоевали признание у читателей. Многие книги А. Звягинцева экранизированы, переведены на другие языки и изданы за рубежом. Живёт в Москве.

— Или тут нашёл, — пожал плечами Ледников.

Пока врачи в больнице спасали Селивёрстову жизнь, эксперты установили, что в руках у него взорвалась коробка с видеокассетой, от которой практически ничего не осталось — только крохотные кусочки пластмассы.

Прядко неустанно таскал Ледникову добытую информацию.

Так как тридцатипятилетний Селивёрстов, как выяснилось, служил в коммерческой структуре, начали отрабатывать версию, связанную с профессиональной деятельностью пострадавшего. И ничего явно подозрительного не нашли. Сам он никаких финансовых вопросов не решал, и вообще от него в фирме мало что зависело.

— Я с владельцем говорил, — доложил Прядко. — Он прямо сказал: если бы хотели наехать на фирму, то имели бы дело лично с ним. Получается бытовуха...

— Ну, и какие будут предложения? — устало поинтересовался Ледников, на котором, как обычно, висело ещё несколько неоконченных дел. Успокоившееся начальство, для которого всё, что не терроризм, может подождать, уже не требовало срочных отчётов, поэтому можно было спокойно разобраться в том, что случилось.

— Надо, пока он сам не заговорил, поработать с его семьёй, — недолго думая, сказал Прядко.

— А он сам-то сможет когда-нибудь заговорить?

— Врачи говорят, что теперь шансы есть, хотя... рук нет, лёгкие обожжены, от глаз ничего не осталось, еле-еле слышит...

— Да, повезло мужику, — вспомнил Ледников слова эксперта. — А что у него за семья?

— Семья — одно название. Развёлся он месяц назад. Ушёл от жены.

— Характерами не сошлись? Или были другие причины?..

— Откуда я знаю? — слегка осадил его Прядко. — Я пока его работой занимался.

— А я вот хочу знать, что у него с семьёй, — ворчливо повторил Ледников. — Причём очень надеюсь услышать это от тебя.

— Слушаюсь, товарищ начальник! — козырнул Прядко.

Прядко, как всегда, обернулся быстрым соколом. И уже на следующий день выложил весьма любопытную информацию. Бывшая жена Селивёрстова рассказала, что муж очень изменился за пару месяцев до развода, но она поначалу на это не обращала особого внимания, потому что была занята ребёнком — родившаяся год назад девочка всё время болела. А потом Селивёрстов заявил, что уходит. Причём решительно настоял на официальном разводе. Немедленно. Жёстко, без экивоков сказал: “Чтобы у тебя не было иллюзий, что я вернусь”.

— Видимо, у него кто-то появился, — подвёл итог услышанному Ледников.

Прядко, зажмурив глаза, потянулся, как кот.

— Что характерно, я и сам до этого дошёл.

— Иди ты! Ну, ты даёшь!

— Да-да, гражданин начальник. Не ты один у нас такой умный.

— И кто она, эта разрушительница семьи?

— Ищу.

— Давай. И без женщины не возвращайся.

Прядко вернулся без женщины, но зато со смыслённым парнишкой, который не только видел у гаражей мужика, звонившего по мобильнику, но и ясно слышал, как он сказал: “Кассета будет лежать на крыше твоего гаража, завёрнутая в пакет”. Парнишка оказался настолько смыслённым, что запомнил марку машины, цвет и последние цифры номера. Да ещё помог составить фоторобот звонившего. Для Прядко этого было, по его собственному выражению, выше крыши.

Он явился через день, сел напротив и уставился на Ледникова, который молча ждал, когда Прядко начнёт колотиться. Наконец, тот сказал:

— Я нашёл похожую машину.

- Кто бы сомневался.
- И владелец очень даже похож на фоторобот.
- Ну, и кто это?

Прядко со значением глубоко вздохнул.

- Подполковник.
- Настоящий.
- Ещё какой. Сотрудник центрального аппарата МВД...

Прядко состроил удручённую физиономию и закончил:

- Гладыш Николай Николаевич.

Ледников тоже немедленно впал в задумчивость — ничего себе поворот сюжета!

- Может быть, совпадение?
- Может, — послушно согласился Прядко. — Только ещё я нашёл женщину Селивёрстова. Ту, из-за которой он бросил семью. Её зовут Нина Владимировна. Фамилия — Гладыш.

Ледников удивлённо посмотрел на хитрую физиономию Прядко.

- Не может быть.
- Да-да, — подтвердил тот. — Любимая женщина ныне взорванного Селивёрстова — жена подполковника Гладыша.

И нетерпеливо спросил:

- Будем брать товарища подполковника?
- Успеешь, — успокоил его Ледников. — Куда он от тебя денется... Ты же понимаешь, что ошибки тут быть не должно. Так что давай ещё покопайся. Пройдись по родственникам, знакомым, сослуживцам...

Уже через пару дней Прядко расписал Ледникову всю диспозицию.

Подполковник Гладыш был совершенно сумасшедшим мужем и отцом. Нину, жену свою, он отбил восемь лет назад у какого-то сослуживца, который с горя подался в далёкие края. От первого брака у неё уже был сын, а через два года от Гладыша родился второй. Гладыш обожал обоих. С женой он буквально нянчился — возил на работу, забирал, сам делал всё по дому. Он открыто гордился своей ненаглядной, даже в присутствии посторонних зачастую просто не мог отвести от неё страстного взгляда, смущая не только других, но и её тоже. Вот такое счастье... Но полгода назад влюблённый подполковник с недоумением заметил, что жена вдруг внезапно исчезает с работы, а её мобильник в это время почему-то отключается. Жена в ответ на расспросы устало улыбаясь: “Ты что, ревнуешь?” Однако и на работе её исчезновения среди бела дня тоже не остались незамеченными.

На то, что творится что-то необычное, обратили внимание и в фирме, где трудился Кирилл Селивёрстов. У него тоже начались регулярные отъезды в неизвестном направлении, появилась непривычная мрачная задумчивость, время от времени вырывались помимо воли странные фразы: пора что-то менять, начинать новую жизнь.

А потом их, Селивёрстова и Нину Гладыш, кто-то увидел вдвоём... А потом ещё кто-то увидел...

- Они, конечно, скрывались, как могли, встречались только в рабочее время, но, сам понимаешь...

Прядко почесал щёку, вздохнул.

- К тому же Селивёрстов решил, что хватит уже скрываться. Намерения у него были, судя по всему, самые серьёзные. Он хотел, чтобы Нина Гладыш стала его женой. Он для того и решил разводиться.

- А у неё какие были намерения?

— А она, как я понимаю, уходить от мужа не собиралась. Да и зачем? Мужик растит её детей, что родного, что неродного, готов носить на руках, с карьерой у него всё в порядке, глядишь, в генералы выбьется... Её всё устраивало, но Селивёрстов пошёл буквально *в разнос*: уходи от мужа, и всё тут. Сдаётся мне, что Гладыш всё узнал, ну и...

Ледникову уже было ясно, что так всё и было. Он просто чувствовал это. Интуиция его, если вообще срабатывала, то практически не ошибалась.

- Он мужик-то неплохой, Гладыш этот, — задумчиво сказал Прядко. — Я наводил справки. Десантник в прошлом...

— Значит, и бомбу сделать может при нужде, — сказал Ледников.

— Да понятно тут всё, — махнул рукой Прядко, как бы отодвигая в сторону сантимерты. — Братъ надо!.. Одного не пойму: зачем ей, этой самой Нине, всё это было нужно? Было у бабы всё, а теперь что? От любовника — слепой обгорелый обрубок остался, муж в тюрьму на долгие годы сядет... Сломала жизнь и себе, и мужикам.

— Ты её-то видел? — поинтересовался Ледников.

— Так, посмотрел со стороны. Из любопытства.

— Ну, и как?

— Честно? Не в моём вкусе. Только чувствуется в ней что-то... — Прядко пощёлкал пальцами. — Какая-то она, понимаешь, неувловимая.

— В смысле?

— Ну, на первый взгляд, тихая, спокойная, а потом вдруг начинает казаться, что способна она на многое. Что-то она такое обещает, от чего у мужика голова кругом идет.

— И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет?

— Сам придумал?

— Пушкин. Заключительные строки поэмы “Цыганы”.

— Класс! — одобрил Прядко.

— А ты думал. Слушай, ты приведи-ка её ко мне, сию, как выражаются французы, *la femme fatale*.

— А не опасешься? — ухмыльнулся Прядко.

— Чего? — не понял Ледников.

— Что она того — произведёт на тебя сильное впечатление? За бомбой не полезешь? — заулыбался Прядко.

— На тебя же не произвела, — отмахнулся Ледников.

— Так то я! А ты у нас впечатлительный. С женщинами у тебя всегда всё очень запущено...

— Ладно-ладно, разговорился, — проворчал Ледников. — Свободен.

Ледников не стал говорить Прядко, что он задумал нечто, что может лишить его лавров победителя в расследовании покушения в гаражном комплексе. А Серёжа Прядко такие вещи, всякие там лавры и благодарности в приказе, очень уважал. Правилось ему быть победителем. И начальству напомнить про свои доблести он никогда не стеснялся.

Прирождённый оперативник, Прядко действительно углядел в Нине Гладыш самое главное — неувловимость облика.

Была она не очень высокая, но стройная, со светлыми, рассыпанными по плечам волосами и непроглядно тёмными, скрытыми под падающей на лоб чёлкой глазами. На первый взгляд её лицо могло показаться просто правильным, но будто стёртым, невыразительным. И вдруг буквально на глазах, затаённо улыбнувшись чему-то своему, она превращалась в загадочно-прекрасную женщину, в которой угадывалась глубоко спрятанная страстность. И мужчине невольно хотелось этой женщине понравиться.

— Нина Владимировна, — сказал Ледников, аккуратно подбирая слова, — у нас есть все основания считать, что взрыв, во время которого пострадал Кирилл Селивёрстов, организовал ваш муж Николай Гладыш. Мы могли бы арестовать его хоть сегодня...

— Господи, и за что мне всё это, — устало, с искренним непониманием произнесла женщина.

— Что именно?

Но она словно не слышала Ледникова и продолжала говорить о чём-то своём, видимо, давно наболевшем.

— Подруги крутят романы — и ничего. Всё им с рук сходит. Отвлекалась, побаловалась — и домой. А я, как проклятая, — каждый раз такая история закручивается, что хоть вой! Ведь и с ним, с Николаем, так же было. Думала, так, интрижка, романчик, ни к чему не обязывает, а он впился в меня насмерть, и пока от мужа не увёл, не мог успокоиться...

Она покачала головой.

— И с Кириллом тоже сначала ничего серьёзного не было — баловство одно, развлечение на скорую руку. А потом и он туда же — уходи от мужа, и всё. Куда уходи? У меня двое детей! Да и не хочу я с мужем разводиться. А Кирилл как с цепи сорвался! Сам развёлся, мне ничего не сказав, планы стал на наше общее будущее строить... Я уже прятаться от него стала, на звонки не отвечала. Так он заявил, что сам встретится с Николаем и всё ему объявит по-мужски. Бред! Я уже просто не знала, что делать...

Было ясно, что она говорит совершенно искренне.

— Видимо, Бог наделил вас способностью вызывать в людях глубокие чувства, — мягко сказал Ледников.

— Да? А меня Он спросил — нужно мне это?

Ледников не стал объяснять ей, что Господь не спрашивает чьего-либо разрешения. У него иные резоны.

— По-моему, вы сразу догадались, что взрыв устроил ваш муж, — сказал он.

— Догадывалась, — не стала отпираться Гладыш. — Догадывалась, но... старалась не думать.

— То есть вы с ним об этом не говорили?

— Нет, конечно.

— Ну, и как вы с Гладышем живёте после этого? Зная, что он искалечил Селивёрстова?

Она непонимающе посмотрела на него.

— Нормально. Делаем вид, что ничего не случилось. Что ничего не было. Что мне — руки на себя накладывать?.. У меня дети.

Ледников видел, что женщина действительно способна всё забыть и жить так, словно ничего не было. И уверена, что слепой обрубок, оставшийся от здорового красивого мужика, полного надежд и страсти, не имеет к ней никакого отношения...

Он вздохнул.

— Нина Владимировна, вам надо убедить мужа прийти к нам и во всём признаться. Иначе мы придём за ним сами.

Она посмотрела на него задумчиво, но ничего не сказала.

— Я достаточно много узнал о нём. Он приличный человек, но... Видимо, ослеплён страстью, которую вы ему внушаете. У него чистое прошлое, прекрасная репутация, есть государственные награды... В случае явки с повинной всё это будет учтено. Да и Селивёрстов всё-таки остался жив. Хороший адвокат способен многого добиться при таком раскладе. Срок может быть вполне терпимый. К тому же амнистии, условно-досрочное освобождение... И потом... Мне кажется, если вы его дождётесь, он вам всё простит.

— Он уже простил, — грустно улыбнулась женщина.

Гладыш пришёл на следующий день. Написал явку с повинной, из которой следовало, что он решил убрать Селивёрстова вовсе не из ревности, а потому, что тот преследовал его жену своими гнусными домогательствами. И что его жена была лишь ни в чём не повинной жертвой, которую он должен был спасти от преследований этого маньяка...

Из колонии, как случайно узнал Ледников, Гладыш писал жене письма, полные любви и страсти. Чуть ли не каждый день. А как вела себя она в это время, Ледников не интересовался. Хотя его не удивило бы ни известие, что она закрутила новый роман, ни рассказ о том, что она живёт теперь только ради семьи и ждёт мужа...

Удивило его другое — к искалеченному, полуслепому Кириллу Селивёрстову вернулась жена, и они опять стали жить вместе.

А Серёже Прядко, которому Ледников своими действиями помешал героически взять опасного преступника, убедив того с помощью Нины Гладыш явиться с повинной, он клятвенно пообещал в следующий раз помочь проявить свою железную хватку и получить за это причитающуюся звёздочку на погоны.

ПОЛНЫЙ АКУТАГАВА!

РАССКАЗ

Полковник в отставке Крестовский, прошедший Афган и Чечню, а после увольнения из армии превратившийся в удачливого бизнесмена, лежал на полу, словно прижимая что-то к груди. На самом деле, падая, он просто схватился обеими руками за рану. В него выпустили из пистолета семь пуль — четыре в спину, по одной в живот, грудь и шею. Палили с близкого расстояния, пока не кончились патроны.

На стене висела фотография: молодой, счастливый Крестовский в мундире с погонами капитана рядом с улыбающейся женой, полнеющей блондинкой, и очень серьёзной темноглазой дочкой, словно предчувствующей какие-то ужасные события.

Тело Крестовского нашла его дочь Альбина, вернувшись с прогулки с собакой. Та самая темноглазая девочка с фотографии. Она сидела на диване, не шевелясь, и прижимала к себе собаку, видимо, боясь выпустить её хоть на секунду. Утром ей надо было идти в школу, потому что завтра 1 сентября, а теперь она не знает, можно ли ей завтра идти туда.

— Если бы дело было только в этом, — завершив осмотр места происшествия, подумал следователь по особо важным делам Ледников. — Кто знает, что теперь будет с её жизнью... Ведь судя по всему, её отца убила её мать.

Сергей Прядко, молодой энергичный опер, который времени на чувства не тратил, быстро установил, что случилось здесь накануне.

Отец задержался на работе, и когда пришёл, мама Альбины стала его ругать. Родители ссорились громко, девочка не хотела при этом присутствовать и поэтому пошла гулять с собакой. Гуляла долго, надеялась, что родители к её возвращению успокоятся. Вернувшись, она нашла отца лежащим на полу в луже крови. На столе лежал пистолет. Матери дома не было... Она позвонила в "скорую помощь", отперла дверь и спряталась в другой комнате.

Альбина говорила медленно, но очень внятно и разумно, изо всех сил стараясь правильно и подробно отвечать на вопросы Прядко. Да, папа опять задержался на работе, мама из-за этого, как обычно, сильно переживала... Было видно, что девочка достигла того переломного момента в своей жизни, когда родители уже не выглядят всемогущими и всепонимающими людьми, их слабости и недостатки становятся видны ребёнку совершенно отчётливо, а иногда и преувеличиваются...

Серёжа Прядко спросил у девочки, где может быть мама? Девочка чуть слышно ответила, что, наверное, у тёти Жени. А кто это? Мамина подруга, она живёт рядом. Ледников с Прядко отправились по адресу. Крестовская была там. Они с тётей Женей, стареющей и расплывающейся бабёнкой, допивали вторую бутылку водки. С пьяным упрямством Крестовская принялась твердить, что с мужем она не ссорилась и ни в кого не стреляла... Ушла из дома, потому что он стал распускать руки.

Пьяненькая тётя Женья сидела рядом и утвердительно кивала головой: подтверждаю, всё так и было!

Когда Ледников, которому надоели две пьяные сговорившиеся тётки, резко и зло спросил, знает ли Крестовская, что её муж убит, она, не поднимая глаз, замотала головой. Но в глазах её стоял какой-то предсмертный ужас, который всё же пробирался в её затуманенный водкой мозг. Наверное, она, когда убегала, надеялась, что Крестовский остался жив.

Утром, слегка протрезвев, терзаемая похмельными страхами и судорогами, Крестовская во всём созналась: она выстрелила в мужа во время ссоры. Но мужа она любила и любит. Выглядела она нехорошо, как и должна вы-

глядеть спивающаяся пожилая тётка. От спеси полковничьей жены в ней не осталась ничего. Она превратилась просто в полумёртвую от страха глупую бабу, испоганившую собственную жизнь и жизнь собственной дочери.

В деле не было ничего интересного, все экспертизы подтверждали её признания, оставалось выяснить, откуда в доме взялся пистолет. Прядко обещал обернуться мигом. Он был доволен собой и судьбой — ещё одно быстрое расследование в карьере бравого старшего лейтенанта, которому задуматься и о погонах капитана уже не грех. Но с пистолетом вышла заковыка: он нигде не был зарегистрирован, его следы нигде не обнаруживались.

— Да ясное дело — Крестовский из Чечни привёз, — торопил Ледникова настёрный Прядко. — Там этого добра — как грибов в лесу. Решил себе оставить на свою голову. Оружие в доме — всегда скрытая угроза, потому что не известно, как жизнь повернётся. Не держал бы Крестовский пистолет дома, может, остался бы в живых.

— Ну, если женщина из ревности его возненавидела, она и сковородкой убить может.

— Может. Но, согласитесь, что сделать это куда труднее... Тут есть шанс отбиться.

— Ишь, ты, куда тебя понесло. Смотри — философом станешь. А философам в операх делать нечего.

— Не бойсь за нас, мы меру знаем. Лишнего в мозг не берём, — усмехнулся Прядко. — Мне вот другое не нравится: чего это ты, гражданин следователь, с этими Крестовскими задумал... Вола за хвост тянешь. А ведь дело-то ясное.

От этого неутомонного опера скрыть что-либо было сложно.

— А может, и нет, а?

— Чего тут неясного! — взвился Прядко. — Пистолет их — небось, среди белья хранился. Отпечатки на нём — жены Крестовского. Стреляли явно по-бабы — палила, закрыв глаза, пока не выпустила всю обойму.

— А если по-бабы, то как эта клуша могла хладнокровно сходить за оружием, снять его с предохранителя, передёрнуть затвор?

— Да потому что она — прапорщик в прошлом. Понимаешь — прапор! Наверняка её в гарнизоне научили с оружием обращаться. А может, это вообще её пистолет? И Крестовский о нём ничего не знал?

— Серый, они прожили вместе восемнадцать лет. Знали друг друга с детства. Она вышла за него, когда он был лейтенантом, а ей было всего двадцать лет. Она из-за него бросила институт и моталась с ним по гарнизонам и горячим точкам... И после всего этого — вот так, взяла и убила? Зная, что вот сейчас в дом войдёт дочь?

Прядко безнадёжно махнул рукой.

— И на что ты намекаешь? Стреляла-то она.

— Да. Но её могли натравить на него. Убедить, что он хочет с ней развестись, бросить её ради молодой и красивой, забрать дочь...

— Ты это сейчас придумал? Или во сне увидел?

— Какая тебе разница? Посмотри, что у него на фирме творится. Мы даже не знаем, есть у него компаньоны или нет.

— Ладно. Завтра сгоняю.

Он был уже в дверях, когда Ледников его окликнул.

— Серёга, ты прикинь. Сейчас у нас на руках самая банальная бытовуха — жена убила мужа. Хорошо ещё, что не сковородкой. А если там окажется запутанное резонансное дело? Это же совсем другой расклад, совсем другие заслуги и, соответственно, поощрения...

Хмурое лицо Прядко сначала сделалось задумчивым, а потом посветлело — слово “резонансное” действовало на него магически. Он такие дела любил и, в отличие от начальства, никогда их не боялся.

Предчувствия, как всегда, его не обманули. Через несколько дней после похорон к Ледникову пришла темноглазая девочка Альбина. Впрочем, девочкой её назвать было уже трудно, настолько она повзрослела за эти дни. Совсем другое лицо.

Альбина протянула Ледникову бумажную папку. В ней были фотографии и отпечатанные на принтере короткие письма.

— Где ты это взяла? — спросил Ледников, быстро просмотрев бумаги.

— Они на столе лежали и валялись на полу, когда я тогда домой пришла... Когда папу убили. Я их собрала и спрятала.

— Почему ты их сразу нам не показала?

Альбина, чуть помедлив, объяснила:

— Я не знала, что вы подумаете... И не хотела, чтобы об это знали другие.

— А теперь?

— Теперь я хочу помочь маме. Потому что папе уже помочь нельзя.

На фотографиях был запечатлён Крестовский с молодыми женщинами. Отставной полковник, судя по снимкам, жадно добирал те радости жизни, которыми трудно было пользоваться в военных гарнизонах, где вся жизнь на виду и никуда не спрятаться от местных сплетниц. В письмах Крестовскую в коротких, энергичных, а порой и просто непристойных выражениях информировали о забавах и увлечениях мужа. В более поздних по времени письмах аноним давил на то, что муж давно решил её бросить, а дочку взять себе... “Ты, прапорщица, останешься с голой задницей, никому не нужная. Почаще в зеркало смотри...”

— Вы же видите, её специально изводили, толкали на убийство, — сказала Альбина.

— Альбина, кто тебе посоветовал принести это мне? — спросил Ледников. — Я же вижу, что ты не сама это придумала.

— Адвокат, — с вызовом сказала Альбина. — Маме наняли очень хорошего адвоката. Он сказал, что эти... бумаги помогут. Что они меняют дело.

Что-то они меняют, подумал Ледников, но вот Крестовского из могилы они всё равно не поднимут. Кстати, очень интересно узнать, откуда у Крестовской вдруг появились деньги на адвоката?

Скоро и это выяснилось. Прядко перетряхнул фирму Крестовского и выяснил много интересного. Оказывается, её совладельцем была Вера Максимовна Клейменова, по совместительству главный бухгалтер. Мало того, Прядко раскопал, что в прошлом они были любовниками, однако любовь увяла, остались одни дела. Но и с делами не очень ладилось: Крестовский так увлёкся сладкой жизнью, что это стало сказываться на бизнесе. Клейменова, женщина не только интересная, но и деловая по натуре, даже предлагала ему уйти из бизнеса, продав ей свой пакет акций, но он об этом и слышать не хотел. Зато его жене, оказавшейся под следствием по обвинению в убийстве мужа, деваться было некуда. И вскоре Клейменова объявила персоналу фирмы, что она теперь является единственной владелицей, потому что Альбина, наследница Крестовского, обязалась продать ей весь пакет акций фирмы после вступления в права наследования. Естественно, за солидную сумму. Солидную, но, разумеется, несопоставимую с их рыночной стоимостью. Но на адвоката этих денег хватило. В общем, именно Клейменова оказалась вся в шоколаде — бросивший её любовник наказан, фирма от непутёвого совладельца спасена, сама она при этом ещё и деньги большие получила. С таким везением и на свободе...

Ледников с Клейменовой, разумеется, встретился. Мадам произвела на него впечатление. Но взять её было решительно не за что. На самые интересные вопросы: “Могла она представить себе, что жена способна застрелить Крестовского?”, “Знала ли, что в доме есть оружие?” — ответ был один: “Нет”. На том и расстались.

И даже Прядко не удалось на неё ничего наречь. Хотя он и старался, когда Ледников сказал ему, что изводить Крестовскую могла именно Клейменова — всё указывает на неё. “Валя, я тебе, конечно, но концов нет. Тётка грамотная”, — признал Прядко. А он такое признавать ох, как не любил.

Крестовская получила минимальный срок. Адвокат у неё был действительно хороший. Но вот что с ней будет, когда она выйдет, подумал Ледников, узнав о приговоре. И что ей скажет темноглазая Альбина, которая пришла в доме труп своего отца, убитого собственной женой...

Зашедший вечером после работы к Ледникову Прядко был в этот раз вообще не похож на себя — задумчивый, никуда не спешащий. После пары рюмок вдруг сказал:

— И всё-таки, знаешь, не могу поверить, что эта самая Клейменова жёну Крестовского до убийства довела.

— Давай-ка я тебе лучше одну историю расскажу, — миролюбиво предложил Ледников. — Перескажу своими словами старинный японский детектив.

— Ну, разве что японский, — согласился Прядко. — наших детективов мне на работе хватает. Только выпьем сначала — чтобы лучше думалось.

Выпив и закусив, он изобразил на лице внимание.

— Погнали, пока при памяти.

— Так вот, жил-был много-много лет назад, считай, в Средние века, один хороший японский следователь. И был у него друг — классный опер, с которым они много мокрых дел раскрутили. И вот однажды случилась такая история: в роще за городом дровосек наткнулся на труп самурая. На теле была всего одна рана, уже застывшая, а рядом ничего, чем эта рана могла быть нанесена. Разумеется, наш опер-молодец вместе со следователем начинают дело крутить.

А так как опер наш действительно молодец, то скоро он находит свидетелей, которые видели самурая. Но не одного, а с женой, молодой и красивой. Женщина сидела на лошади, рыжеватой, с подстриженной гривой. А у самурая, кроме меча и кинжала, был чёрный лакированный колчан со стрелами. Они направлялись в ближайший город.

Потом наш опер, который землю копытом роет, натывается неподалёку от места убийства на человека, который лежит со сломанной ногой на земле. Рядом валяется чёрный колчан со стрелами, а неподалёку пасётся рыжеватая лошадь с подстриженной гривой.

— Какой везучий был опер! — завистливо помотал головой Прядко. — Нам бы такого! Настоящий опер — всегда везунчик.

— Ты слушай дальше, — усмехнулся Ледников. — Так вот, опер наш вспоминает словесный портрет одного известного разбойника, и сразу понимает, кто перед ним. И, разумеется, волочёт его к следователю, дабы тот предстал перед его светлые и всё видящие очи. А следователь наш такой ушлый и умный, так умеет построить допрос, что разбойник скоро признаётся, что вчера он действительно встретил самурая с женой и пошёл за ними, потому что она сразу произвела на него, так сказать, неизгладимое впечатление. И понял он, что должен обладать этой женщиной. Но было ясно, что для этого придётся убить самурая. Ибо когда хотят завладеть женщиной, её мужчину всегда убивают. Но, как сказал разбойник, он не собирался убивать его, так сказать, физически — мечом или стрелой. Он решил убить его морально — овладев женщиной прямо у него на глазах...

В общем, он хитростью заманил самурая с женой в рощу, там оглушил его и привязал к дереву. А потом изнасиловал его жену, как она ни сопротивлялась. После этого он благоразумно решил смыться, но женщина, как безумная, вцепилась в него и крикнула: “Кто-нибудь из вас двоих должен умереть!.. А я пойду с тем, кто останется в живых”. Разбойник, глядя в её пылающие глаза, вдруг понял, что не может уйти без неё. А значит, должен убить её мужа. Но он понимает, что если просто прирежет связанного, то это будет подло и навсегда запятнает его в глазах женщины... Едва он разрезал верёвку, самурай выхватил меч и бросился на него. Во время отчаянного поединка разбойник убил самурая.

Но когда он с окровавленным мечом в руках обернулся к женщине — её нигде не было! Он стал искать её и не нашёл. Только мирно ципала траву лошадь. Разбойник испугался, что сейчас она приведёт людей, взял меч убитого, лук и стрелы, сел на лошадь и помчался прочь. Но неподалёку от города лошадь поскользнулась, он свалился с неё и сломал ногу... Тут и появился наш замечательный японский опер.

— Прямо как в кино! — не выдержал Прядко.

Но Ледников не обратил на него внимания.

— Это ещё что! Пока следователь *колол* разбойника, опер нашёл монаха, которому скрывшаяся женщина рассказала, как всё было на самом деле. Оказывается, разбойник не просто связал мужа и изнасиловал её, он при этом всячески издевался над ним... А потом, когда всё было кончено, он встал и брезгливо оттолкнул её ногой от себя. В этот миг, как сказала женщина, она увидела в глазах мужа какой-то “неописуемый блеск”.

“Даже теперь, вспоминая его глаза, я не могу подавить в себе дрожь, — сказала она монаху со слезами на глазах. — Муж в это мгновение излил всю свою душу в этом взгляде. Его глаза выражали холодное презрение и затаённую ненависть. Он был совершенно безучастен к моим страданиям. Я поняла, что не могу вынести этот взгляд... А тем более, жить с ним рядом”. И тут она увидела кинжал на траве. Подняла его и сказала мужу: “После того, что случилось, я не могу больше оставаться с Вами. Я решила умереть. Но... но умрёте и Вы. Вы видели мой позор. Я не могу оставить Вас в живых”.

— Она что же, с мужем на Вы? — удивился Прядко.

— Так она же японка. Чего ты от неё хочешь? Да ещё муж самурай! И смотрит на неё с ненавистью и презрением. В общем, схватила она кинжал и вонзила в грудь мужа. И потеряла сознание. Когда она очнулась, муж висел на верёвках уже мёртвый. Она разрезала верёвку и... Она понимала, что у неё есть один выход — умереть. Но чувствовала, что убить себя она не может. Как она сказала: “Не могла найти в себе силы умереть”. Она бросила нож и побрела прочь...

— Ну, да, себя зарезать — то ещё упражнение... — с пониманием заметил Серёжа.

— После этого рассказа наш японский следователь задумался. Обе версии хороши, но противоречат друг другу. Кто же прав, а кто лжёт? Он приказал доставить дровосека, который нашёл труп. И по ходу разговора понял, что тот что-то скрывает — путается в показаниях, говорит о вещах, которые знать вроде бы не должен. Поняв это, следователь принимается за него всерьёз. И тогда дровосек сознаётся, что видел убийство своими глазами, сидя в кустах, но побоялся сразу рассказать об этом...

— Ну, и что поведал этот ханьга? Знаем мы таких, которые в кустах сидят, — усмехнулся Прядко, наполняя рюмки.

— А сказал он вот что... Разбойник, обесчестив женщину, стал уговаривать её уйти с ним жить вместе. Но она сказала, что не сможет быть с ним при живом муже. Разбойник говорит: отвяжи его, и я вступлю с ним в честный бой за тебя. Женщина отвязывает мужа... Но самурай не собирается драться за неё! Он говорит, что не собирается рисковать жизнью ради обесчещенной женщины. “Забери эту потаскуху себе, если хочешь!” — говорит он разбойнику, отталкивая женщину от себя. Но и разбойник, как выясняется, уже не горит желанием драться. Весь пыл его куда-то улетучился, и он собрался уходить. А вы, мол, тут разбирайтесь сами. И вот тогда, как рассказал дровосек, женщина принялась страстно убеждать их вступить в поединок. Она взывает к их доблести и гордости. Она смеётся над их трусостью. Женщину, мол, нужно покорять мечом, вы просто не мужчины... В результате ей удаётся разозлить их, они вступают сначала в перепалку, а потом и в поединок, и разбойник убивает самурая... Однако женщина после смерти мужа убегает, а разбойник даже не пытается её искать. Собирает добычу, забирает коня и уходит прочь. Вот какую историю рассказал следователю дровосек.

Прядко с задумчивым видом жевал сыр. Потом поинтересовался:

— Ну, и что следователь, наш японский друг и коллега? Опер-то у него нормально работал, а сам он?

— Сам-то... Дело в том, что был он товарищем несколько философского склада. Например, иногда размышлял о том, как можно ловить убийц в стране, где любой самурай может отрубить любому крестьянину голову только потому, что ему надо проверить, хорош ли его новый меч? Или просто потому, что крестьянин чем-то ему не понравился.

— Можно подумать, у нас иначе! — пробормотал Прядко, принимаясь за оливки.

— Ну, головы всё-таки прилюдно теперь вроде бы не рубят, — возразил Ледников.

— Вот разве что, — усмехнулся Прядко. — Зато джипами давят, как курей! При свидетелях и без всяких последствий.

Ледников возражать не стал, только вздохнул и продолжал свой рассказ.

— В общем, закончив допросы, наш следователь стал думать о том, как мерзко устроен человек... Ведь всё, что он узнал сегодня, говорит не только о том, как трудно установить истину, но и о греховности людей, их бесчестности и эгоизме. Они все лгали. Почему? Только от страха? Или чтобы выгородить себя? А может, они просто не способны говорить правду?.. В общем, наш следователь довёл себя до того, что ночью ему приснился то ли сам убитый, то ли дух его и рассказал, что случилось на самом деле...

— Неплохо устроился дядя: сам дрыхнет, а ему во сне признательные показания дают.

— Серый, ты хотел бы, чтобы бандюки тебе ещё и во сне являлись? Вместо баб?

Прядко задумался, почесал нос и рассудил, что это было бы слишком. Правда, проворчал с обидой:

— К тебе-то, небось, приходят!

— Бывает, — не стал отпираться Ледников. — Так про самурая рассказывать?

— Давай-давай! Интересно же, что у него там за версия нарисовалась?

— И нарисовал дух убитого самурая нашему следователю такую картину... Овладев женой самурая, разбойник уселся рядом с ней на землю и принялся её всячески утешать. Жена сидела на опавших листьях и не поднимала глаз. Можно было подумать, что она внимательно слушает разбойника. А тот говорил женщине, что после того, что произошло, жить с мужем она всё равно не сможет. Так не лучше ли уйти с ним? Ведь он сделал всё это только потому, что она сразу поразила его сердце, и теперь он не может без неё жить. А муж будет только всё сильнее ненавидеть её, потому что никогда не простит...

Женщина вдруг подняла голову. “Никогда ещё я не видел её такой красивой!” — признался, не в силах сдержать волнения, самурай.

И что же ответила красавица жена разбойника?

“Ведите меня, куда хотите”, — сказала она. А потом послушно, как во сне, последовала за разбойником, который вёл её за руку.

Они уже вышли из рощи, как вдруг женщина остановилась, указала на связанного самурая и несколько раз, как безумная, выкрикнула: “Убейте его! Я не могу быть с вами, пока он жив!” Разбойник в недоумении остановился. “Убейте его!” — умоляла женщина, хватая разбойника за руки. Но разбойник отшвырнул её от себя и обернулся к самураю. “Что делать с такой женщиной? — спросил он. — Убить?” Самурай не успел согласно кивнуть, как его жена бросилась бежать... Разбойник только посмотрел ей вслед. Потом он забрал добычу, вскочил на лошадь и был таков. Но перед этим он надрезал в одном месте верёвку, которой был связан самурай, и сказал: “Выбирайся сам и живи, как сможешь”. Когда самурай освободился от пут, то увидел кинжал, который разбойник забыл захватить с собой. Он вспомнил, как его прекрасная жена с искажённым лицом умоляла: “Убейте его!”, Поднял кинжал и одним взмахом вонзил себе в грудь. И наступила тишина. Только горели печальные лучи закатного солнца на стволах бамбука. И вдруг кто-то вынул кинжал из его груди. После этого он навеки погрузился во тьму небытия...

Ледников замолчал.

— Надо будет моей рассказать, — задумчиво сказал Прядко. — Пусть знает, какие они, бабы, бывают. Даже в Японии. Ну, гражданин Ледников, теперь вопрос на засыпку. Кто кинжал-то из самурая вынул?

— А ты как думаешь? Могла жена вернуться... Мог разбойник...

Ставить в известность Прядко, что в рассказе Акутагавы об этом не говорится, он не стал. Есть, правда, своя версия в гениальном фильме Курошавы. Интересно, какую выберет опер Серёжа Прядко?

— Да нет, жена и разбойник тут ни при чём, — отмахнулся Прядко. — Кинжал должен был спереть этот самый тихий ханыга-дровосек... Знаю я таких свидетелей. Особенно если учесть, что он сначала темнил: мол, ничего не видел! Точно — сидел в кустах, пускал слюни, а когда всё закончилось, пошёл и кинжал прихватил. По тем временам вещь, наверняка, ценная.

— Ты с Курсовой случайно не был знаком? — улыбнулся Ледников.

— А кто это?

— Великий японский кинорежиссёр. Мыслите вы с ним одинаково. У него в фильме тоже дровосек кинжал вынул. У Акутагавы, между прочим, об этом ничего не говорится.

— Поработал бы этот Акутагава с моё в розыске!.. Валь, а теперь колось: на хрена ты мне эту притчу поведал?

Ледников помолчал. Чёрт его знает, для чего!

— А ты как думаешь? — наконец спросил он.

— Думаю, решил вот так хитро объяснить мне, дурачку, что дело с Крестовской такое же запутанное и психическое... Только вот что я тебе скажу. Следовательно твоему впечатлительному надо было не сны смотреть, а провести весь комплекс следственных действий, дабы установить, каким оружием была нанесена рана — мечом или кинжалом? Надо было провести очные ставки и следственный эксперимент, пальчики снять с кинжала, у всех одежду исследовать, экспертизы провести... И тогда стало бы ясно, кто именно самурая нашего кончил. Вот что следствие должно установить и суду предъявить. Этому, по-моему, ты меня постоянно учишь. А что там обвиняемые и подозреваемые врут, не наше с тобой дело. Их на том свете черти за это крючками драть будут. А ты, Ледников, классным следователем был бы, если бы не изводил себя всякими мерехлюндиями. Далея тебе этот Акутагава! Где он, а где мы? В прокуратуре Акутагавам делать нечего.

— Это ты точно заметил, — засмеялся Ледников. — Тем не менее, Серёга, запомни одно: если не будешь сомневаться, всё проверять и перепроверять, много безвинных людей от такой твоей скорострельности пострадает.

— Согласен. Но я, Валя, тебе ещё одну вещь скажу. Нет, две. От себя и от того японского опера, который свою работу честно проделал. Первое: всё-таки чаще всего преступник есть, причём конкретный и реальный. Так что не надо его вину размазывать, особенно по жертвам. Ладно, допустим, сам Крестовский был не сахар, а эта баба, Клейменова, его жену травила, к убийству подводила... Но за пистолетом в другую комнату разве жена не сама сбегала? Не сама она его на мужа направила? Не сама начала?... У меня с женой тоже, знаешь, скандалы бывают, ещё какие! Но ведь я не собираюсь брать пистолет и палить в неё. Так что если ты убил, значит, ты и виноват. Ты и расплачивайся.

— А вторая умная вещь? — напомнил Ледников, несколько удивлённый неожиданно открывшейся в Прядко способностью чётко формулировать неуставные мысли.

— Была тебе белка, будет и свисток, — попридержал его тот. — Ты первую усваивай, а я пока хлопну рюмочку и закушу.

Исполнив задуманное, он откинулся на спинку стула и совершенно трезво, цепко поглядел на Ледникова.

— Ну, доказал ты мне, что истину в этом японском деле установить не так просто. Что каждый не только лжёт, но и не помнит, что было в действительности. Что с того? Что это меняет? Искать всё равно надо. И люди её, истину, всё равно будут искать. Не в судах и прокуратуре, а в разговорах на кухне. Там они всё равно свой приговор вынесут и виновного назовут. Потому что жизнь без истины — бардак, а люди — плохие клоуны или мартышки.

— Ну, Серый, ты прямо на глазах растёшь. Ход этих твоих мыслей нас очень сближает. Кстати, Акутагава покончил с собой в состоянии депрессии, — задумчиво сказал Ледников.

Серёжу известие о печальной судьбе Акутагавы несколько не удивило.

— Ну, правильно, с такими мыслями долго не протянешь. И поэтому большинство людей верит, что она, истина, есть. И никогда не согласится с тем, что её нет вообще. А для нас с тобой это, знаешь, что значит? Что ес-

ли есть убитый, значит, есть и конкретный убийца. И найти его — наше с тобой дело.

В кармане у Прядко запел телефон. “Если кто-то кое-где у нас порой...”

Ледников всё время забывал спросить, Серёже действительно так нравится эта песня с дурацкими словами или он так *прикалывается*? А может, специально для допросов держит? Например, упёрся подозреваемый, а тут вдруг — “Если кто-то кое-где у нас порой...”

Прядко выслушал неведомого собеседника, с грустью оглядел недоеденное и недопитое, сунул телефон в карман и поднялся.

— Всё, Валь, сумрак ночи зовёт. Я помчался. Опять убийство. И судя по всему, на бытовой почве. Прямо полный Акутагава!

ДУЭЛЯНТЫ

РАССКАЗ

Они ехали на место преступления вместе, и Прядко загружал Ледникова уже добытой информацией. Он обладал способностью только ему ведомым способом улавливать её будто прямо из воздуха, в котором вились обрывки слухов, разговоров, официальной информации. А дело было неприятное.

В отделе вневедомственной охраны районного отдела милиции два офицера учинили перестрелку. Один убит на месте, другой в тяжелейшем состоянии в больнице. И вообще это была самая настоящая дуэль из-за женщины. Причём женщина служит там же в звании капитана.

У Прядко блестели глаза в предчувствии интересного дела, а Ледников только вздыхал. Дуэль в райотделе милиции! Из-за женщины в погонах капитана. Господи, помилуй! К тому же он хорошо представлял себе, какие вокруг этого закрутятся интриги, чтобы соблюсти честь мундира. Начальство предупредило его — дело деликатное.

Когда они приехали в райотдел, на месте уже работали медэксперты и криминалисты. Дуэлянт в наличии был только один, убитый. Он лежал в курилке на полу ногами к выходу, лицом вниз. Одна рука была прижата к груди. Лежал он на ней всем телом, откинув вторую руку в сторону. Рядом валялся пистолет, а чуть дальше — мобильник.

Прядко, тихо шепнув: “Я с людьми пообщаюсь, у меня тут знакомые есть”, — пропал в коридорах райотдела. В плане “общения с людьми” Сергей был гений, ему почему-то рассказывали то, что скрывали от других.

Первой, как выяснилось, обнаружила дуэлянтов молодая женщина по фамилии Мотылёва, служившая в отделе инспектором. Она уже отошла от испуга и рассказывала с удовольствием, чувствуя себя чуть ли не героиней дня.

Итак, в райотделе уже несколько дней шёл ремонт. В этот день рабочие очищали от старой краски стены в коридоре. И вдруг они услышали три выстрела в курилке, куда рядовой состав обычно не ходит. Перед этим в курилку зашли капитан Живилло и лейтенант Бушманов. Рабочие растерянно глядели друг на друга, когда из своего кабинета вылетела Мотылёва. Она была назначена наблюдать за ремонтом и почему-то решила, что рабочие замкнули проводку, и хотела было на них наорать. Но рабочие сказали ей, что это в курилке стреляют. Когда Мотылёва вбежала туда, лейтенант Бушманов лежал на полу, а рядом сидел капитан Живилло. Он стонал и зажимал рукой окровавленное плечо.

— Значит, рана была не смертельной? — уточнил Ледников.
— Крови было много, а так он даже начальнику, когда тот прибежал, показал свой мобильный, — успокоила его Мотылёва.
— Это ещё зачем?
— А там эсэмэска была.
— Как интересно! — протянул Ледников. — И какого же содержания?
— Сейчас точно скажу, слово в слово, — сосредоточилась Мотылёва. — “Последний наш разговор сегодня. Виктор”.
— Виктор, я так понимаю, это лейтенант Бушманов?
— А вы откуда знаете? — Мотылёва с притворным удивлением взглянула на Ледникова.
— Догадался. Вы так наглядно всё рассказываете, что это нетрудно.
— А он ещё и сказал что-то, — уже в открытую кокетничая, сообщила Мотылёва.
— И такая внимательная женщина, как вы, разумеется, запомнила, что именно, — продолжал разыгрывать из себя галантного кавалера Ледников.
— Разумеется. “Он своё обещание выполнил”. Вот, слово в слово.
— Побольше бы таких свидетелей, у нас бы все дела раскрывались, — по возможности обольстительно улыбнулся Ледников.
Инспектор Мотылёва многозначительно хихикнула.

Вечером они подводили предварительные итоги расследования. Как выяснил расторопный Прядко, капитан Живилло и лейтенант Бушманов любили одну женщину — Вику Пешкову, “королеву красоты” райотдела.

— Ты её видел? — поинтересовался Ледников. — Что, действительно королева?

— Для здешних мужиков — да. Но не для тебя. Для тебя, Валентин, она из другой оперы, — туманно проинформировал Прядко.

— Больно много ты обо мне знаешь.

— А чего тут знать, — пожал плечами Прядко. — Я что, твою женщину не видел? Вика рядом с ней — продавица с рынка.

— Не понял.

— Ну, твоя — покупательница с платиновой карточкой, а Пешкова — продавица. Вот так.

Ледников только головой помотал от такого сравнения.

— Но мужиков рядом с ней, с этой самой Викой, всегда много было. Только мужей официальных — трое. С мужем последним она, знаешь, где познакомилась? В тюрьме...

— Сидела, что ли?

— Нет, работала там. Она, когда в Москву приехала за счастьем, устроилась надзирательницей, хотя у неё диплом был учительницы физкультуры. Но уже вскоре стала Вика лейтенантом и получила офицерскую должность. Ну, поработала, познакомилась с мужем будущим. Он опером был и потому в тюрьму к своим подопечным часто заходил. А потом она перевелась во вневедомственную охрану. Да как — стала командиром “группы захвата”.

— Это которая выезжает на место, если сработала сигнализация?

— Ну, да. Там она с капитаном Живилло сошлась. Причём у него тоже семья, дочки... И началась между ними любовь. Да какая! Несколько лет длилась. Их даже называли потом — два влюблённых капитана.

— А муж? Который опер?

— А муж объелся греш. Он ей верил, хотя вокруг все знали, что происходит. Правда, потом всё-таки прозрел, и они развелись. Ну, Вика тут же стала Живилло душить — женись. Бросай свою и женись. А у того что-то заколодило. И чувства уже остыли.

Не Бог весть какая оригинальная история, подумал Ледников. Только с какого бока тут лейтенант Бушманов?

— В общем, она поставила Живилло ультиматум — или расписываемся, или расстаёмся. Ну, он подумал и решил, что можно и расстаться. И вся их любовь как бы осталась в прошлом, стали они друзьями. И тут в отдел

перевели лейтенанта Бушманова. И завязался у молодого холостого лейтенанта с разведённой Викой бурный роман. Прямо на глазах у Живилло.

— И Живилло вдруг обнаружил, что ему обидно, — вдохнул Ледников.

— Точно. Оказалось, смотреть на любовь Вики и Бушманова спокойно он не в состоянии. Корёжить его стало.

— Теперь говорят — *колбасить*, — усмехнулся Ледников.

— Ну, заколбасило, — не стал спорить Прядко.

— Ладно, с этими корсиканскими страстями всё понятно. Картину преступления мы имеем?

— Вполне.

И Прядко тут же рассказал, как нарисовалось ему это дело со слов очевидцев и самого Живилло. Ледников знал, что Прядко в последнее время любил развернуться, набросать версий, и потому всегда предоставлял ему возможность посолировывать. Растёт человек не по дням, а по часам.

Итак, рассказал Прядко, утром после ночного дежурства лейтенант Бушманов сдавал табельное оружие только что заступившему на дежурство капитану Живилло. Причём, как утверждают очевидцы, процесс проходил совершенно мирно, с взаимными шуточками. Потом был развод, после которого Живилло и Бушманов и отправились в злополучную курилку. Бушманов уже был без оружия, Живилло при табельном пистолете. А потом раздалась выстрелы...

Как успел рассказать Живилло до того, как его отвезли в больницу, случилось следующее. Бушманов после развода сказал Живилло, что надо поговорить без свидетелей. Едва они вошли в курилку, Бушманов прошипел: “Я тебя предупреждал, сука! Если не оставишь Вика, башку отвинчу! Ну, вот и получай!” Живилло решил, что сейчас начнётся драка, поднял руки, чтобы защищаться, но Бушманов просто выдернул у него из кобуры пистолет и выстрелил. Стрелял он с двух шагов, целился прямо в сердце, но Живилло успел присесть, и пуля попала в плечо. Живилло упал. Лёжа на полу и обливаясь кровью, он в ужасе ждал, что Бушманов его добьёт. Тот смотрел на него безумными глазами, а потом вдруг поднял руку с пистолетом и дважды выстрелил в себя. Видимо, хотел в голову, но руки у него тряслись, и он первый раз попал себе в шею, а второй — под челюсть. После второго выстрела — упал.

— Я так понимаю, что если бы разговор состоялся без оружия, то Бушманов бы Живилло спокойно накостылял, — задумчиво уточнил Ледников.

— Ну, да. Живилло хилый такой, дёрганный, а Бушманов — парень здоровый был, спортсмен. Потому все и боялись, что он не выдержит и как-нибудь сопернику по рогам надаёт. Тем более, что Живилло в последнее время сам напрашивался.

— Ну, и зачем Бушманов стрелял в Живилло, если он мог ему просто в лоб дать? Зачем в себя стрелял?

— Стрелял он, судя по всему, в состоянии аффекта.

— А чего в него, в этот аффект-то, он впал? — продолжал придира́ться Ледников.

— Живилло его довёл до беспамьтства, — объяснил Прядко. — Он всем рассказывал, что Вика всё равно его баба, а Бушманова называл козлёнком на два дня. Бушманов был парень довольно стеснительный, говорить с Живилло не решался, поэтому слал ему эсэмэски. Мол, оставь Вика в покое... Живилло их всему райотделу показывал со смехом. Особенно предпоследнюю. “Если она не будет моей, то и твоей тоже!” — с чувством продекламировал Прядко.

— Что-то уж больно красиво для офицера вневедомственной охраны. Свихнулись они совсем с этими эсэмэсками, уже нормально поговорить не могут, — пробормотал Ледников, думая о своём.

— Это точно. Но для нас, сыщиков, тут большое удобство — следы остаются, — хмыкнул Прядко. — В общем, дошёл парень до точки. А в себя стрелял, когда увидел, что убил офицера при исполнении, и понял, что ему теперь грозит...

— Ну, во-первых, не убил, — остудил Серёжу Ледников. — А во-вторых... Смотри. В левой руке, на которую Бушманов упал, у него была бар-

сетка. То есть эта рука у него была занята. Берём правую руку. Кисть застыла в полусогнутом состоянии, что вроде бы подтверждает, что перед смертью он держал в руке...

— ...пистолет, который выскользнул из руки при падении, — встрял нетерпеливый Прядко.

Ледников назидательно поднял указательный палец.

— Но рядом с пистолетом валялся ещё и мобильник... Его, Бушманова, мобильник. Он что — правой рукой держал и пистолет, из которого стрелял, и телефон? А до того он ещё и выхватил этой же рукой пистолет из кобуры Живилло?

Прядко задумчиво почесал где-то за ухом.

— Ну, мобильник мог и выпасть из кармана.

— Мог, — не стал спорить Ледников.

Тем более что тут позвонила та самая женщина, у которой Прядко подозревал наличие платиновой карточки.

С улыбкой глядя на Прядко, Ледников не удержался и спросил: “Слушай, а у тебя есть платиновая карта?.. Пришла в голову одна странная мысль”.

Прядко хмыкнул и посмотрел на Ледникова победоносно. Тот поднял обе руки вверх.

— Ладно, на сегодня всё. Давай дождёмся результатов экспертизы. Мне почему-то кажется, что там будет много интересного.

Получив результаты экспертизы, Ледников вызвал Прядко, и они отправились в больницу, на свидание с оставшимся в живых дуэлянтом — капитаном Живилло.

Тот не выглядел ни страдающим, ни удручённым. Скорее даже умиротворённым, как человек, у которого свалилась с плеч долго мучившая его забота. Первым делом Живилло сообщил, что пуля скользнула по ключице, важных органов не задела, операция была лёгкой и скоро его выпишут. При этом он глядел в потолок и чему-то улыбался.

— Всё понятно, капитан, — остановил его Прядко. — Теперь давай по делу.

В машине, после того как Прядко изучил заключения экспертов, Ледников сказал ему, чтобы он вёл допрос, а сам он какое-то время понаблюдает за происходящим со стороны.

— Мы люди свои, так что давай по-честному, чтобы зря время не тратить, — предложил Прядко. — Поговорим как офицер с офицером.

— Пожалуйста, я готов, — чуть ли не весело сказал Живилло. — Только должен предупредить, что у меня уже был адвокат и объяснил мне, что я должен говорить.

— Быстрый ты! — удивился Прядко.

— Так я же понимаю — ситуация непростая...

— Тогда поехали. Значит, так. Медэксперты установили, что Бушманов скончался от второго выстрела под подбородок. Первый выстрел смертельным не был — пуля практически только пропорол кожу.

— Ну, да, правильно. Убил он себя вторым.

— Идём дальше. Дактилоскопическая экспертиза установила, что на пистолете чётко отпечаталась ладонь Бушманова. Кисть его руки находилась в полусогнутом состоянии, что подтверждает — в ней был пистолет...

Живилло кивнул.

— Но вот рядом с пистолетом лежал его мобильник, — деловито сказал Прядко. — Другая его рука была занята барсеткой... Что же он, в одной руке и пистолет, и мобильник держал?

Живилло пожал плечами.

— Может, он у него в кармане был? А когда он свалился — выпал...

— Я вот тоже так товарищу следователю сказал, — кивнул Прядко в сторону Ледникова. — Но вот дальше-то, капитан, что-то у нас не складывается...

— Что именно?

— Ты же знаешь, что первая пуля из ствола всегда выходит со следами оружейного масла? — глядя на Живилло ясными глазами, спросил Прядко.

— Да?

— Да. Так вот эксперты установили, что “масляная” пуля действительно была первой. Но она была выпущена не спереди, а сзади... Понимаешь, капитан, что это значит?

Живилло ничего не ответил. Просто лежал, уставившись в потолок. По-прежнему улыбаясь.

— Мало того, — продолжал нажимать Прядко, — установлено, что первый патрон был загнан в патронник заранее, задолго до выстрела. К стрельбе готовились... И вот ещё что. Мы выяснили, что угрозы от Бушманова, которые поступали тебе на телефон и которые ты показывал всему отделу, на самом деле слал себе ты сам с другого телефона...

Ледников смотрел на Живилло и никак не мог понять, что тот переживёт теперь, когда стало очевидно, что никакой “дуэли между ментами” не было. А было хладнокровно спланированное и осуществлённое убийство... Он, этот самый Живилло, по рассказам коллег, вовсе не был уверенным и умеющим держать себя в руках мужиком. Наоборот, его считали истериком, склонным зачастую паниковать без всякого повода. А тут лежит и чуть ли не доволен тем, что его уличили в убийстве, за которое ему придётся отдуваться по полной программе.

— Ну, что, капитан, сам расскажешь или как? — спросил его Ледников.

Живилло вздохнул.

— Витьку, конечно, жалко. Он мужик был неплохой, но вот не повезло ему... Мы так из-за неё, из-за Вики, сцепились, что уже не распепить нас было по-хорошему. Не смог бы я терпеть, что они живут рядом и от счастья аж светятся...

— Так ты же сам на ней жениться не захотел! — напомнил Прядко.

— Сам, — согласно кивнул Живилло. — Я ведь и свёл их сам. Мы с ней разошлись уже тогда, а Витька в неё сразу влюбился, только сказать боялся, как пацан. А я ему и предложил: “Давай скажу ей?” Он перепугался. А я думаю, пусть Вика на другого переключится, а то больно уж переживает она наше расставание, достала просто... В общем, подошёл я к ней по старой памяти и говорю: “Есть у меня человек один, который в тебя влюбился без памяти, а сказать боится”. Ну, посмеялись. А потом смотрю — у них такое началось. Я был уверен, что ничего серьёзного быть не может, Витька-то был младше неё... А на меня она, как на пустое место, стала смотреть... И почувствовал я, что не могу этого вытерпеть. Выше моих сил. Не могу, и всё!.. Ну, и придумал... Стал себе эзэмэски с угрозами слать и всему отделу показывать. Самое интересное, что между нами с Витькой никаких ссор не было. Он вообще говорил мне, что никогда не забудет, что это я его с ней вроде как свёл, будет всю жизнь благодарить... Лучше бы не говорил.

В общем, выбрал я день и момент, когда он точно без оружия будет. Понимал, что мне надо стрелять быстро — если я начну у него на глазах пистолет доставать да передёргивать затвор, он может меня скрутить, потому что мужик здоровый... Так что загнал я заранее патрон в ствол, а когда он свой пистолет сдал, сказал, что надо поговорить... “Пошли, — говорю, — в курилку, там никого нет”. Идём по коридору, я смотрю — у него на левой руке барсетка болтается. Надо, думаю, и правую руку ему чем-то занять, чтобы он ничего не успел... Только в дверь вошли, я говорю: “Слышал, у тебя мобильник новый? Вика подарила? Покажешь?” Он мобильник вынимает, чтобы похвастаться, как она его любит, я тут же и выстрелил, попал в шею... Он упал, лежит, смотрит на меня, ничего не соображая... А я говорю: “Она моя и всегда только моей будет!” Он что-то замычал, типа — возражает, я наклонился и выстрелил второй раз в подбородок. Потом в плечо себе выстрелил. А пистолет Витьке в руку вложил и сжал его кисть, чтобы отпечатки на рукоятке остались. Я вообще-то хотел сам в коридор выйти, чтобы кого-нибудь позвать, но у меня вдруг голова закружилась, и я рядом с ним грохнулся...

Живилло помолчал, помотал головой.

— Очнулся, а его лицо от меня — в полуметре... И я ещё подумал: вот так, Витя, не мог я её тебе уступить, не мог.

Ледников с некоторым изумлением смотрел на этого заурядного капитанишку, в котором вдруг пробудились такие страсти.

— Ну, будешь чистосердечное писать? — деловито спросил Прядко, ни на секунду не забывавший, когда надо ковать железо.

— Чистосердечно, не под протокол, я вам всё рассказал. Зачем мне вас дразнить, раз вы обо всём и без меня догадались, — засмеялся Живилло. — А писать мне адвокат пока запретил. Скажет написать — напишу. Скажет не писать — не напишу. Ему виднее.

— Ты чего такой радостный, а, капитан? — удивился Прядко. — Ты хоть понимаешь, что тебя теперь ждёт?

— Это всё ещё доказать надо. Мало ли что я вам тут наплёл. Правда, я и такой вариант продумывал, что следствие обо всём дознается, — потянулся Живилло. — Давай посчитаем. Мне больше восьми лет не дадут — у меня смягчающие обстоятельства — аффект, двое детей малолетних. Служба безупречная. Сидеть буду на милицейской зоне, там за хорошее поведение на поселение быстро переведут... Знакомые кое-какие солидные по-могут. Так что годика через три выйду...

— А если Вика за это время ещё кого-нибудь найдёт? — поинтересовался Ледников.

— Нет, теперь не найдёт, теперь она знает, что за это бывает.

Живилло вдруг весело подмигнул им. Господи, он действительно чувствовал себя чуть ли не счастливым. Во всяком случае, человеком, который сделал то, что должен был сделать.

Потом у Ледникова был ещё разговор с Викторией Пешковой. Постаревшая и подурневшая женщина, которую уже никто не мог бы назвать “королевой красоты”, в полном отчаянии не могла понять, в чём она провинилась перед Богом и за что ей такие испытания. Рассказывала, что в отделе поговаривают, что дело постараются как-то замять, тем более, у Живилло есть знакомый генерал. Отмазать Живилло совсем, конечно, не удастся, но срок, скорее всего, ему дадут небольшой, а там и досрочное освобождение возможно подоспеет...

— Я, знаете, чего больше всего боюсь? Что он опять ко мне зайвится и начнёт права качать. Не вынесу я этого...

На следующий день Ледникову приказали дело Живилло передать другому следователю для окончания расследования, ведь с ним всё уже ясно, а самому переключиться на другие, более важные дела. Он всё-таки следователь по особо важным делам!